

Измайлов Александр Алексеевич

**Осени мертвой цветы
запоздалые**

Рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Алексеевич И.**
Осени мертвой цветы запоздалые: Рассказы / Измайлов Александр Алексеевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 308 с.

ISBN 978-5-519-86879-2

Содержание: Осени мертвой цветы запоздалые; Барышня из старого дома; Товарищ; Ворона; Букинист; Весенний гром; Ниобея; Гордиев узел; Владычный подарок; Вольтерьянская книга; Светлое явление; Человек, которого подзревают,

ISBN 978-5-519-86879-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Осени мертвой цвѣты запоздалые...

Р а з с к а з ъ .

I

Если вы еще не пережили зеленой молодости, бойтесь той поры, когда подъ первыми лучами воскресающаго солнца темнѣтъ снѣгъ, свѣтлѣетъ небо, сырѣютъ стѣны домовъ, и слезы тающихъ на солнцѣ серебряныхъ сосулекъ падаютъ съ слабымъ, монотоннымъ шумомъ въ холодныя и глубокія снѣговыя ложбинки. Одна сторона улицы еще бѣлѣетъ отъ снѣга, и отъ нея вѣетъ холодомъ, и ужъ жарко на другой, гдѣ въ перегонку бѣгутъ ручейки, прыгаютъ, разбрасывая брызги, веселые голуби, и въ мелкія лужицы смотрится смѣющееся солнце. И долго ночь борется съ свѣтлымъ вечеромъ, которому не хочется сдаваться, и горятъ ненужные фонари, и необъятно-далеко раскинулась прозрачная, точно стеклянная даль. Встревоженная душа полна какого-то радостнаго ожиданія и вся размягчена и раскрыта, и трепетно вѣритъ, и ждетъ... Ахъ, сколько ошибокъ, безумно-счастливыхъ ошибокъ совершается весною, когда таетъ снѣгъ, и таетъ сердце!..

Но если ваша зеленая молодость прошла, и вы уже видѣли больше тридцати разъ, какъ

вянулъ и снова оживалъ листь на деревьяхъ,— не давайте воли сердцу въ первые дни усталой осени. Какая прекрасная, трогательная печаль разлита повсюду, — въ небѣ, въ краскахъ заката, въ покраснѣвшихъ кленахъ, въ порѣдѣвшихъ березахъ! Желтый листь усѣялъ голую землю, и, если прищурить глазъ, кажется, что это пожелтѣвшій лужокъ, хваченный морозомъ. Вѣтеръ подхватываетъ листь и несетъ по аллеѣ. Это ликвидація кончившагося лѣта. Такъ школьники, когда покончатъ съ экзаменами, рвутъ въ клочки свои тетради, и бѣлые клочья нестройно несутся по двору... Точно дрожь проходитъ по природѣ, и лѣсъ стоитъ, хмурый и темный, и ночью безпокойно гудить, потому что боленъ безсонницей. У деревьевъ вытянулись книзу вѣтви, и, мокрыя, онѣ кажутся черными и точно обуглившимися...

И тогда что-то старое, забытое, невозвратное ползетъ въ душу и мучить ее какими-то неясными, печальными воспоминаніями. Нѣтъ опредѣленныхъ впечатлѣній прошлаго, но сердце полно смутными отзвуками чего-то хорошаго, молодого, преждевременно умершаго и схороненнаго, что никогда не вернется. Можетъ быть, еще не совсѣмъ умерло счастье, можетъ быть, оно подходит и ждетъ, но кажется, что все счастливое, прекрасное и поэтическое уже въ прошломъ, и чего-то безконечно жаль глубокою и мягкою жалостью. Чего?.. Прекрасной дѣйствительности или прекрасныхъ сновъ? Не все ли равно, если такъ живо и то, и другое? И не стала ли ушедшая въ даль дѣйствительность прекрасна, какъ сонъ дѣтства?

Въ эти дни, когда вѣтеръ съ шелестомъ

гонитъ, самъ не зная куда, желтый листь по землѣ бульвара, а по небу безшумныя тучи,— невольно оглядываешься назадъ и видишь все разрушенное, недоконченное, ускользнувшее, все, что встрѣчало насъ съ улыбкою, и отъ чего мы отвернулись съ недовѣріемъ или пренебреженіемъ. Милыя лица глядятъ съ укоромъ изъ сумрака и тѣни. Рисуются смутныя силуэты и съ печальной улыбкой качаютъ головой. Ахъ, нынѣшніе враги, вы когда-то были нашими друзьями! И кто-то уныло и монотонно говоритъ, точно дразнить: прошло, прошло, прошло, прошло... Поздно, поздно, поздно!..

Какъ печально горятъ осеннія лампы воспоминаній! Кабы можно было вернуть, кабы можно было передѣлать старое, исправить ошибки весны, поймать за крылья призраки улетѣвшаго счастья!... Кабы можно было начать жить сначала и сказать мертвымъ: „воскресните“!..

II

Это случилось знойнымъ лѣтомъ, а настоящій смыслъ случившагося я понялъ въ одинъ изъ такихъ осеннихъ вечеровъ, когда гудитъ лѣсъ, и хочется вспоминать и тосковать о прошломъ. Я задумался случайно и вспомнилъ все,— и свое студенчество, и тотъ уголокъ, куда меня въ то лѣто закинула судьба, и дѣвушку съ прекрасными прищуренными глазами, и жидкій перелѣсокъ у станціи, и своего ученика, маленькаго гимназиста... Въ особенности эти прищуренные глаза! Потому что, конечно, самое главное было въ ней, въ этой дѣвушкѣ...

Странно, я смутно почувствовалъ это тог-

да съ первой же встрѣчи, т. е. вотъ именно то, что она—главное. Все было точно второстепенное и придаточное, и какъ бы внѣшнее, не затрагивающее души,—и отецъ, тучный, съ двойнымъ подбородкомъ генералъ, и гимназистъ съ шаловливыми свѣтлыми глазами, и всѣ многочисленные домочадцы, и великолѣпная дача съ удивительнымъ садомъ, который показывали новопріѣзжимъ, какъ достопримѣчательность станціи. Это все было нужное, неизбѣжное и словно обязательное. Только подъ условіемъ занятій съ мальчикомъ я могъ здѣсь жить, и я ѣхалъ сюда на это дѣло,—но это было нужно для тѣла, для хлѣба, для заработка, а душа оставалась незанятою, нетронутою. Душу должна была занять именно она,—какъ я, чужая имъ всѣмъ, какъ я нанятая, случайная, которая такъ же могла здѣсь быть, какъ могла и не быть... Въ сущности, не въ высшей ли степени случайно все серьезное и фатальное въ жизни?

— Ида Сергѣевна Савенкова,—сказалъ генералъ, когда мы протянули другъ другу руки. —Новый Васинъ учитель, Дмитрій Николаевичъ Кручининъ. А Ида Сергѣевна,—пояснилъ онъ, —занимается съ Мусикомъ и Леночкой. Прошу любить и жаловать коллегу!

Она не сказала обычныхъ дежурныхъ словъ, какія говорятся при знакомствѣ. Даже не улыбнулась. Но взмахнули длинныя рѣсницы, и глаза, огромные, глубокие и загадочно-темные, глянули на меня. Въ нихъ не было любопытства и не было ласковости, но было какое-то серьезное и дружелюбное вниманіе. Никогда не видавшіеся, незнакомые, мы были „свои“, если сошлись здѣсь на одномъ дѣлѣ.

Кругомъ были сытые, спокойные, счастливые „чужіе“, шелъ пиръ жизни, на который мы съ ней опоздали. У насъ, очевидно, было что-то общее въ прошломъ. По крайней мѣрѣ, могло быть. Можетъ быть, голодные дни, безсонныя, тоскливыя ночи, безпокойныя думы о завтрашнемъ днѣ, бѣдность, которой стыдно... Мы оба пришли сюда, къ этимъ бѣлоручкамъ, какъ чернорабочіе, которымъ лишь изъ деликатности не даютъ понять, что съ ихъ присутствіемъ мирятся только какъ съ необходимостью, и въ которыхъ повышенною любезностью хотятъ погасить тягостное ощущеніе, что они—чужіе и купленные...

— Былъ бы счастливъ, еслибы встрѣтилъ въ васъ столько же усердія, сколько нашелъ въ Идѣ Сергѣевнѣ,—пожелалъ мнѣ генераль и улыбнулся.—Но чуть-чуть поменьше мягкости... Чуть-чуть побольше строгости... Не правда ли, Ида Сергѣевна?

— Это такъ необходимо для рекомендаціи?

Ида улыбнулась, однако, все лицо ея вспыхнуло. Глаза прищурились и взглянули сначала на генерала, потомъ на меня. Что въ нихъ было?—Терпѣливая покорность, оскорбленное самолюбіе, презрѣніе, ненависть?... Я еще не могъ угадать. Но я почувствовалъ странный токъ, словно пробѣжавшій между нами. Точно она молчаливо обращалась ко мнѣ за судомъ и поддержкой. „Чей ты,—мой или ихъ?“—Твой!—не колеблясь секунды, мысленно отвѣтилъ я, и какое-то едва уловимое, смутное, но острое чувство жалости къ ней шевельнулось въ моей душѣ...

Она отошла къ вошедшимъ въ комнату дѣвочкамъ. Я смотрѣлъ ей вслѣдъ, слушая

генерала, спѣшившаго смягчить разговоромъ только что происшедшую неловкость. Солнце сверкнуло по ея свѣтлымъ, почти русымъ волосамъ, собраннымъ въ красивый, нѣсколько небрежный узелъ. Почти худенькія, сравнительно съ ея ростомъ, плечи, казалось, сквозили черезъ тонкую ткань розовой кофточки...

— А, однако, ты здѣсь, должно быть, не очень счастлива!—подумалъ я, провожая ее глазами.

III

Такого имени—Ида—нѣтъ въ нашихъ свѣтахъ. Звали ее Ираида. Но Ида казалось болѣе аристократическимъ генеральской семьѣ, улавливавшей что-то мѣщанское въ ея настоящемъ имени.

— Это вамъ больше нравится?—спросилъ я.

— Это мнѣ не нравится, какъ всякое *ихъ* посягательство на *насъ*,—отвѣтила она.—И это какъ-то усиленно подчеркиваетъ, что они мнѣ чужіе. Свои меня звали Ирой. Ахъ, еслибы они были чуть-чуть менѣе аристократичными!..

— Странное желаніе для институтки!

— Вы, вѣроятно, не совсѣмъ точно знаете институтокъ. Мы не всѣ думаемъ, что редиску достаютъ съ деревьевъ съ помощью лѣстницы и, увидя корову на улицѣ, не всѣ говоримъ: „вотъ идетъ говядина!“ Для многихъ и изъ насъ судьба бываетъ мачихой, какъ и для обыкновенныхъ смертныхъ. И мы очень скоро узнаемъ жизнь, и полъ-года оказываются поучительнѣе десяти лѣтъ... Отпадаютъ крылышки мотылька, и вырастаютъ волчьи зубы!

— Надѣюсь, вы говорите не о себѣ?

— Нѣтъ, и о себѣ. О, меня вовсе не баловала жизнь!

— Вы сирота?

— У меня есть мачиха, но мы съ ней чужія. Послѣ того, какъ она прямо сказала мнѣ, что мое присутствіе ей не доставляетъ удовольствія, я призналась ей въ томъ-же. Послѣ смерти отца я прожила въ ея домѣ мѣсяцъ, и это былъ мѣсяцъ сплошной муки. И вотъ уже третій годъ, по окончаніи института, я одна на свѣтѣ. Совсѣмъ одна! Знаете, это не такъ легко быть совсѣмъ, совсѣмъ одной. Иногда думаешь: зачѣмъ тогда жить?.. Для кого?.. А впрочемъ... неправда-ли, сегодня подохло, и послѣ обѣда можно будетъ играть въ крокетъ?..

... Утромъ, до завтрака, шли занятія. Завтракъ, обѣдъ и чай объединяли всѣхъ. Но они проходили чопорно и торжественно, и всегда, даже безъ гостей, съ соблюденіемъ полнѣйшаго этикета. Только на концѣ длиннаго стола, гдѣ усаживалась молодежь, было веселѣе. Вдругъ солидную бесѣду взрослыхъ прорѣзалъ взрывъ несдержаннаго дѣтскаго смѣха. Взглядъ генеральши устремлялся на конецъ стола. На губахъ была улыбка, но глаза искали Иду, и въ нихъ былъ укоръ. Старшій сынъ, кончающій лицеистъ, вскидывалъ монокль, поднималъ одинъ палецъ кверху и намеренно фальшивымъ тономъ, какимъ говорятъ педантическія англичанки, говорилъ сквозь зубы:

— Schoking!..

Будущій государственный человѣкъ шутилъ. Такъ говорила его старая гувернантка. Мать улыбалась ему совсѣмъ уже благожелатель-

ною улыбкой. Но почему-то казалось, что не было бы удивительнымъ, еслибы онъ произносилъ это слово безъ шаржа. И какъ-то сразу замирали расшалившіяся Мусикъ и Леночка и опускали глаза въ тарелки.

Ида сидѣла, строгая и серьезная, не улыбаясь на шутку. Первокласная острота кое-что теряетъ отъ частыхъ повтореній, да и будущій государственный человѣкъ ей, кажется, не нравился. Я успѣлъ это очень скоро замѣтить. Тѣмъ болѣе не нравился, чѣмъ болѣе онъ старался выказать ей свое лестное предпочтеніе....

IV

Я присматривался къ ней и думалъ: кто ты, вышедшая въ жизнь раннимъ утромъ, въ сѣренькій осенній день, одна, безъ опоры въ любящей душѣ, не запасшаяся силами для борьбы на трудовомъ пути, безъ перилъ и безъ посоха? Почему ты—вся загадка и въ прошломъ, и въ настоящемъ, и въ будущемъ, и что тебя ждетъ впереди? Кого ты любишь, какому богу молишься? Почему ты должна быть несчастна, несмотря на то, что ты такъ прекрасна,—или, можетъ быть, *именно* потому, что такъ прекрасна? Ловили-ли вы себя на такихъ предчувствіяхъ несчастія при взглядѣ на нѣкоторыхъ красавицъ? Въ извѣстной разнovidности красоты есть что-то трагическое, печально-красивое, неустранимо-роковое. Какая-то страшная ибезпоощадная печать печали, тѣнь катастрофы. Откуда эта тѣнь? Не отъ крыльевъ-ли прекраснаго ангела, стоящаго за ними въ смущеніи и печали не-обманывающаго предчувствія?..

Я вдумывался въ жизнь Подгурскихъ, въ жизнь Иды, и съ каждымъ днемъ все крѣпче у меня слагалось убѣжденіе, что Ида жила здѣсь одинокая и неразгаданная. Странно чужая, страшно чужая и о, какая гордая въ своемъ одиночествѣ! Это была скорѣй какая-то плебейская, демократическая гордость, чѣмъ гордость аристократки, потерявшей заслуженное положеніе, хотя я и зналъ уже, что она сама вышла изъ хорошей дворянской семьи.

Отецъ ея былъ очень видный инженеръ, передъ второй женитьбой, однако, разорившійся и, очевидно, поправлявшій свои дѣла новымъ бракомъ. Ни малѣйшей черты насто-рожившагося самолюбія не сквозило въ ея отношеніяхъ хотя бы ко мнѣ. Она даже не позволяла прислугѣ подать себѣ полотенце, если могла взять его сама. И въ тоже время это былъ совсѣмъ другой человѣкъ, когда рѣчь шла о Подгурскихъ.

Что отпугнуло отъ нихъ это загадочное существо и заставило такъ насторожиться въ холодномъ и гордомъ ожиданіи нападенія? Она сама или ея прошлое, которое, — потомъ она рассказала мнѣ объ этомъ, — было богато разочарованіями и обидами? Что отпугнуло, — я не зналъ и никогда не узналъ. Я могъ только видѣть, какъ она явно, по крайней мѣрѣ для меня, сторонилась «хозяевъ», ограничивая отношенія только исполненіемъ обязанностей и предпочитая затѣмъ прятаться въ свой уголокъ. Я видѣлъ, какъ иногда, оживившаяся и приподнявшаяся, она точно погасала съ приближеніемъ кого-нибудь изъ „чужихъ“. Постоянно наѣзжала молодежь,

за Идой ухаживали. Но и къ прїѣзжимъ она оставалась холодна и безучастна.

Это былъ для нея чужой и почти враждебный лагерь. Будь я въ немъ, — не сомнѣваюсь, я ничѣмъ не снискалъ бы ея предпочтеній. И мнѣ не могло особенно льстить ея отношеніе ко мнѣ. Это было только естественное сочувствіе товарищу. Если хотите, даже—товарищу по бѣдѣ.

V

Еще одного человѣка Ида явно выдѣляла изъ всѣхъ. Это былъ докторъ Николайчукъ, очень часто наѣзжавшій къ намъ на дачу. Всегда онъ прїѣзжалъ прямо съ дѣла, взвинченный и кипящій, съ волненіемъ, захваченный у постели послѣдняго больного, и съ запасомъ новыхъ разсказовъ о послѣднихъ земскихъ и иныхъ безобразіяхъ.

Этотъ ужъ былъ настоящій плебей, гордый своимъ плебействомъ, своей трудовой горячкой, и ничуть не скрывавшій своего нерасположенія къ взысканному Богомъ бѣлоручкамъ. У Подгурскихъ его считали немножко бурбономъ, послѣ того въ особенности, какъ Глѣбъ Никитичъ не поцеремонился при генеральшѣ слишкомъ прозрачно примѣрить свою излюбленную теорію вырожденія на ея семью. Теорія была иллюстрирована только намеками, но Подгурская поняла, на комъ ее докторъ примѣриваетъ и охладѣла къ „ученому мужику“ почти до враждебности. Николайчукъ на время даже пересталъ бывать у генерала и обкуривать его палаты своими „мухобоемъ“.